

Римская мифология

римская мифология. Судить о древнейшем периоде Р. м. чрезвычайно трудно, так как источники относятся к более позднему времени (I в. до н. э. – IV в. н. э.) и часто содержат ложные этимологии имён богов и интерпретации их функций.

В науке долгое время господствовало мнение о том, что у римлян первоначально отсутствовали ясные представления о богах как о неких определённых, индивидуализированных персонажах – в мире существуют безличные вредоносные или благодетельные силы – нумина (numina), свойственные отдельным предметам, живым существам, действиям. Так, в жреческих книгах «Индигитаментх» перечисляются божества посева, произрастания семян, цветения, созревания, жатвы колосьев, бракосочетания, зачатия, развития зародыша, рождения ребёнка, его первого крика, выхода на прогулку, возвращения домой и т. д. (Aul. Gell.

I 21), имена которых образованы от названий отдельных актов. Утверждению такого мнения способствовали неопределённость пола древних божеств (ср. Палес), отразившаяся в наличии мужских и женских ипостасей у некоторых из них (Фавн – Фавна, Помона – Помон и т. п.), в формуле обращения к божеству – «бог или богиня», «муж или женщина»; использование в обращении к божеству добавления: «или каким иным именем ты желаешь называться» (II 28).

Свидетельство Варрона о том, что у римлян в древности существовали лишь символы богов (Юпитер – камень, Марс – копьё, Веста – огонь и др.), а различные обряды и ритуалы толковались как действия, имевшие целью усилить благодетельное и нейтрализовать губительное воздействие нумина, также служило обоснованием того, что само мировосприятие римлян препятствовало антропоморфизации богов и созданию мифологической системы, предполагающей взаимосвязи между богами, их родственные и брачные отношения. Из массы нумина исследователи выделяли только древнейшую триаду – Юпитера, Марса и Квирина, с которыми, однако, не связывали какие-либо мифы, появившиеся, по их мнению, лишь под влиянием этрусской и особенно греческой мифологии: греки принесли в Рим своих антропоморфных богов и связанные с ними мифы, научили римлян строить храмы, ваять статуи богов, различать богов по их полу, возрасту, функциям, положению в иерархии, воздавать им более сложный, чем примитивные магические обряды, культ.

Ряд современных исследователей поставил под сомнение теорию нумина. П. Бойансе показал, что «Индигитаменты» были не народным творчеством, а созданием жрецов □ понтификов (многие из них были юристами, а римским юристам свойственна крайняя детализация явлений и казусов); по его наблюдениям, термин «нумина» всегда употреблялся у римских авторов и в надписях как «воля», «сила», «величие», действие бога (а также сената, императора), и римляне всегда (и в древнейшее время) имели изображения богов (они в виде примитивных глиняных фигурок известны благодаря раскопкам уже с начала 1-го тысячелетия до н. э.).

Засвидетельствованная иногда неопределённость пола и имени божеств обуславливалась неясностью, к кому из них следует обращаться в определённом случае (например, при землетрясении, так как не было известно, кто его вызывает, Aul. Gell. II 28), нежеланием жрецов из опасения злоупотреблений открыть подлинное имя бога (Serv.

Verg. Aen. II 351), слиянием божества одного пола с аналогичным и одноимённым, но другого пола, почитавшимся в соседней общине (Церера в некоторых итальянских общинах известна как Церус).

Наличие в Р. м. пар божеств объяснимо аналогиями с описанными В. Манхардтом крестьянскими обрядами, в которых духи растительности, весны, жатвы и т. д. могли изображаться мужчиной, женщиной или парами (ср. король и королева мая). Боги с отдельными мелкими функциями, как показал Г. Узенер, встречались у многих других народов (в частности, греков), и, следовательно, это не является какой-то спецификой римского сознания.

Некоторые авторы (А. Гренье) предполагали существование у римлян примитивной мифологии, впоследствии заглушённой, искали в далёком прошлом Рима порождавшие мифы верования, аналогичные верованиям стадильно близких примитивных народов (Дж. Фрейзер), восходящую к индоевропейской мифологии общность, отражающую представление о трёхчленной системе мифологических функций: религиозно-жреческой (в Р. м. её воплощение □ Юпитер), военной (Марс) и хозяйственной (Квири́н), и иерархические или конфликтные соотношения между богами. По мнению Дюмезиля, специфика Р. м. состоит в том, что конфликты и гармония воспроизводятся на «героическом» уровне в римских легендах, то есть переносятся из мира богов в мир героев: война Ромула (религиозно-жреческая функция) и его союзника Лукумона (военная функция) с Титом Тацием (хозяйственная функция), последовавший за ней мир и союз этих героев, а значит, всех необходимых обществу компонентов,

отразившийся в предании о делении общества на три трибы — Рамнов (в честь Ромула), Луцеров (в честь Лукумона), Титиев (в честь Тита Тация).

Дюмезиль интерпретирует большинство римских богов и богинь как причастных к одной из трёх социальных функций и возводит к индоевропейской основе ряд римских обрядов (например, праздник в честь Матер Матуты) и легенд о древнейших римских героях (например, о поединке Горациев и Куриациев, о Муции Сцеволе, которого он сопоставляет со скандинавским Фрейром, о Горации Коклесе, сопоставляемом с Одином). Положения Дюмезиля, отвергнувшего мнение об антимифологичности римлян и показавшего, как под влиянием особых обстоятельств возникла Р. м. — как отражение земного Рима в сфере небесной, несмотря на ряд возражений, приняты многими современными учёными.

Меньшую роль стали отводить этрусскому и даже греческому влиянию, подчёркивая самобытность римской религии, возникшей в результате синойкизма общин, её политический характер, обусловленный особенностями римского государства как посредника между гражданами и богами (Ж. Байе). На основе немногих дошедших источников (гимны коллегий Арвальских братьев и салиев, формулы, произносившиеся главой коллегии фециалов Патер Патратус при объявлении войны и заключении мира и союзов и др.), а также отдельных упоминаний у позднейших авторов допустимо полагать, что верования римлян в древнейший период были аналогичны стадильно близким верованиям других народов (см. Итальянская мифология). Вероятно, существовал некогда миф о сотворении мира Янусом (оттеснённым затем Юпитером), а также миф о происхождении людей от дуба (Serv.

Verg. Aen. VIII 315), об их первоначально дикой жизни и последующей цивилизации культурными героями или богами (Янусом, Сатурном, Пиком, Пилумном и Пикумном и др.).

Значение культа дуба для римлян (как и для других италиков и для кельтов) подчёркивал Фрейзер, ссылаясь на связь дуба с Юпитером, с царями Альбы и Рима, воплощавшими дух дуба, с духом и нимфой дуба Вирбием и Дианой, сочетавшимися сакральным браком, так же как царь Пума сочетался с близкой Диане Эгерией в священном лесу. Почитание деревьев и рощ играло большую роль.

Большинству древних богов были посвящены рощи, где в их честь совершались

священнодействия. Общим для всех рощ был бог Лукорис, хранитель убежища Ромула (II 761). Как священные почитались рощи и деревья в отдельных имениях и на отдельных холмах Рима.

Общими святынями Рима считались смоковница, под которой волчица кормила Ромула и Рема и признаки увядания которой воспринимались как знак угрожающей городу страшной опасности; священный дуб на Капитолии, которому Ромул принёс свою первую добычу — *spolia opima*, оружие и доспехи убитого им царя, а также каменный дуб на Ватикане (Plin. Nat. hist.

XVI 37, 1). С лесом связаны вещей Фавн (ряд преданий о нём, возможно, восходит к древнейшим мифам) и Сильван. Культ леса имел непосредственное отношение к культу водных источников (см. Фонс, Ютурна), каждый из них — священное обиталище лимф (затем нимф), героинь многих преданий.

Вероятно наличие мифов о священных животных — дятле, орле и особенно волке. Волку был посвящён ритуал луперкалий (волчьего праздника, см. в статье Фавн), возможно, связанный с обрядом инициации.

Волкам приписывались различные чудесные и магические свойства, считалось, что волчица сочетается браком при всех сородичах и, если её муж гибнет, остаётся верна его памяти, что некоторые люди могут превращаться в волков (Serv. Verg. Aen. IV 458; Plin.

Nat. hist. VIII 24, 3; 34, 1—2). Мифы о сакральных браках (Дианы и Вирбия, Пумы и Эгерии, Лара с жрицей домашнего очага, весталкой или рабыней, ставшей матерью героя-основателя и законодателя — Ромула или Сервия Туллия, Акки Ларентии и Геркулеса, Сервия Туллия и Фортуну) восходят к древнейшей основе.

К ней же восходят различные легенды об отмене (под влиянием цивилизующего влияния Геркулеса, Сатурна) человеческих жертвоприношений, замене их праздником Аргеев (когда из святилищ курий отправлялась процессия к Тибру и жрецы сбрасывали в реку куклы, и был введён обычай вешать на перекрёстках заменявшие свободных и рабов куклы и шерстяные шары и т. п.). Из приписываемого Нуме календаря праздников

и списка назначенных им фламинов, из упоминаний древних святилищ известно о существовании культов Вулкана, Палатуи, Фуррины, Флоры, Карменты, Цереры, Помоны, Волупии и др., которые не были безличными нумина и, возможно, имели не только свои обряды, но и свои мифы, забытые или трансформировавшиеся с трансформацией самих богов.

Древняя римская религия формировалась параллельно с процессом синойкизма общин, лежавшим в основе возникновения Рима; боги отдельных общин сливались друг с другом, смешивались, аккумулировали свои функции, приходили в упадок или возвышались, становились общими, как общими становились обряды и жреческие коллегии. Палее слилась с Палатуей, сабинский бог клятв Семо Санкус с Диус Фидиус, Ларента с Ларундой; удвоены были коллегии луперков и салиев, общим для первых объединившихся семи вершин холмов стал праздник септимонтия и т. п.

По мере вытеснения родовых связей соседскими, а родов фамилиями главную роль стали играть культы фамилий, смешавшиеся с родовыми культурами; Макробий упоминает о фамильных праздниках Эмилиев, Клавдиев, Корнелиев (Macrob. Sat. I 16, 7-8).

Эти культы фамилий группировались вокруг домашней Весты, ларов, пенатов. Также существовали культы соседских общин-курий и пагов и культы всей римской гражданской общины (отсюда деление священнодействий на частные — *privata*, совершаемые частью народа — *popularis* и общенародные — *publica*).

Эти культы не были отгорожены друг от друга: почитались одни и те же боги, совершались одни и те же обряды (например, ритуальный обход-люстрация имени, пага, территории Рима), все они находились под контролем коллегии понтификов во главе с великим понтификом, оттеснившей жрецов-фламинов. Считалось, что совершаемое во благо общины служит и благу отдельных граждан, и наоборот.

Ранние культы были типично общинными, с почитанием священных деревьев, общего очага Весты, жилища сакрального главы общины-регии, где хранились главные святыни, подземного алтаря Конса [возможно, возникшего в те времена, когда собранный с общих земель урожай складывался в общее хранилище, с открывавшейся трижды в год круглой ямой (мундус) — входом в царство мёртвых, где обитали маны]. Мир богов представлялся устроенным по образцу мира людей; они имели своего царя Юпитера, наиболее почитаемые из них именовались, как и сенаторы, отцами — *patres*, имели своих

божественных слуг — *famuli tivi* и, видимо, аналог весталок — божественных дев — *virgines divi*, обслуживавших их очаг. Они делились на богов небесных, земных и подземных (Liv. I 32, 6—14), однако одни и те же боги могли действовать во всех трёх мирах (например, Юпитер, Диана, Меркурий).

Миры богов, людей и мёртвых были разграничены (так, право богов — *fas* не смешивалось с правом человеческим — *ius*, из действия которого изымалось всё посвящённое богам; маны впускались в мир живых лишь трижды в год) и вместе с тем взаимосвязаны. Люди не начинали ни одного важного дела, не узнав, как отнесутся к нему боги.

Отсюда сложная наука авгуров и гаруспиков, читавших волю богов по полёту и поведению птиц, внутренностям (особенно печени) жертвенных животных, удару молнии. Отсюда же постоянное стремление истолковать необычное: рождение уродов у людей и животных, появление в городе волков, на небе двух солнц, комет, влаги на статуях богов и т. п., понять, не знак ли это неудовольствия богов, чем оно вызвано и как его искупить.

Большую роль при этом играли связанные с культом Аполлона так называемые Сивиллины книги, якобы купленные за большую цену Тарквинием Гордым у пророчицы Сивиллы и содержавшие туманные стихотворные изречения. Порученные специальной жреческой коллегии, они хранились в тайне от непосвящённых.

В случае угрожающих знамений жрецы по специальному постановлению сената искали в них указаний, как поступить. Боги постоянно присутствовали среди людей, иногда подавали голос.

Богов врага с помощью определённой формулы (*evocatio*) можно было переманить на сторону Рима, где им учреждался культ. Так перешли в Рим многие боги италийских городов, что вело к усложнению образов римских одноимённых богов.

Считалось, что мёртвые влияют на дела живых, мстят за пренебрежение к установленным в их честь обрядам (Ovid. *Fast.* II 563 след.). Умерший отец становился богом для своих сыновей (сын поднимал кость отца с погребального костра и объявлял,

что покойный стал богом).

Существовали культы отдельных сословий (конный Нептун и Диоскуры у всадников; Цецера, Либера, Либера у плебеев), отдельных профессий (Меркурий у торговцев, Минерва у ремесленников, художников, писателей, учителей). Каждый коллектив был неразрывно связан со своими богами.

Каждый член фамилии был обязан участвовать в её культе, а переходя в другую по усыновлению или браку, принимал её культ. Гражданин был обязан участвовать в культе гражданской общины.

Когда Рим стал главой Латинского союза, он принял культы его богов Дианы Арицийской и Юпитера Латиариса. Центром культа в Риме, окончательно оформившимся как единый город, стал Капитолийский храм, а богом римской мощи и славы — Юпитер Капитолийский.

Позднее, когда появилось много людей, не связанных с каким-нибудь исконно существовавшим коллективом: переселенцы, оторвавшиеся от фамилий рабы и отпущенники, — для них создавались культовые коллегии с вербовавшимися из их среды министрами и магистратами богов римского пантеона. Отсюда сформулированное впоследствии Варроном положение о приоритете гражданских установлений над религиозными, общин над почитаемыми ими культурами. На дальнейшее развитие Р. м. оказали влияние три фактора: демократизация общества, обусловленная победой плебса, победоносная римская агрессия и знакомство с более развитыми культурами и религиями, с которыми римляне вступили в сложные взаимоотношения.

Демократизация, сделавшая доступными для плебеев жреческие должности, ранее занимавшиеся только патрициями, а должность главы культа — великого понтифика — выборной, в соединении с запрещением дарить и завещать земли храмам, не дала развиваться ни жреческой касте, ни её оплоту — храмовому хозяйству. Высшим авторитетом стала сама гражданская община, а чёткость социальной структуры (полноправные граждане, с одной стороны, полностью бесправные, удерживаемые только силой рабы, — с другой) делала бесполезным какое-либо вуалирование её божественной санкцией.

Всё это обусловило отсутствие какой бы то ни было религиозной догмы. Граждане обязаны были чтить богов, составлявших как бы часть их общины (отсюда распространённая впоследствии мысль о мире как великом городе людей и богов), но могли о них думать, говорить и писать что угодно, вплоть до полного их отрицания.

Такие мотивы встречаются уже у поэта III-II вв. до н. э. Энния, они всесторонне развиты в трактатах Цицерона «О природе богов» и «О дивинации», в которых сам бывший авгуром Цицерон высмеивает все способы выяснить волю богов и решительно сомневается в их существовании, хотя в трактате «О законах», написанном с точки зрения политика, а не философа, считает веру в богов и все религиозные установления предков обязательными.

Этика определялась не религией, хотя римляне и обожествляли различные добродетели, необходимые гражданам для служения государству, а благом гражданской общины, награждавшей достойных заслуженным почётом, каравшей и клеймившей презрением забывших свой долг. Питаемое римлянами отвращение к личной сильной власти, к людям, поставившим себя над народом (Кориолан, Манлий Капитолийский и т. п.), исключало культ царей и героев, и если таковой в древнейшее время существовал (см. Лары), то потом заглох.

Даже культ Квирина-Ромула не играл заметной роли. С другой стороны, непрерывные победоносные войны Рима, стоившие огромного напряжения сил и многих жертв, требовали некоего идеологического оформления и оправдания.

Их давал постепенно складывавшийся миф о Риме как городе, основанном по предначертанию богов, предназначивших ему власть над миром, о событиях его истории как этапах на пути к осуществлению этого предназначения, о римском народе как избранном богами и исполненном исключительных добродетелей, и о тех, кто во имя его величия, а не личной славы совершал невиданные подвиги, отдавал свои способности, свою жизнь и жизни детей на службу Рима. Когда, каким образом, в какой последовательности, из каких компонентов создавался «римский миф», установить трудно за отсутствием соответствующих источников. Один из компонентов — миф об Энее, видимо, очень древен, но неизвестно, каков он был первоначально.

Наиболее существенные элементы «римского мифа» встречаются в первых дошедших до нас римских письменных источниках III-II вв. до н. э. (Пунические войны, несомненно,

стимулировали его развитие). Потом уже у современников Августа — Тита Ливия и Вергилия («Энеида») они оказываются объединёнными в одну систему.

Тогда провиденциальная миссия Рима казалась осуществившейся, и Вергилий сформулировал свою знаменитую мысль о предназначении Рима править миром, смирать дерзких и щадить покорных. О сложном генезисе «римского мифа» можно судить на примере легенды о царе Сервии Туллии, прототипом которого был этрусский полководец Матарна, превратившийся в сына Лара и рабыни Тарквиния Древнего; воспитанный предвидевшей его славное будущее мудрой царицей Танаквиль (известной также под именем Гаи Цецилии, образ очень сложный и не поддающийся адекватной интерпретации), возлюбленный Фортуны, народолюбец, раздавший народу земли (чтобы сделать его независимым от знати), установивший ценз (чтобы каждый мог выдвинуться не по родовитости, а по способностям), учредивший для крестьян паги и паганалии, для соседей — компиталии, для рабов и чужеземцев культ Дианы на Авентине.

Сервий Туллий затем был убит по наущению ненавидевшего его сената дочерью и зятем. О происхождении других персонажей «римского мифа» (то есть восходят ли они к индоевропейским или италийским богам и героям или к реально жившим людям) ничего неизвестно.

Мифы о них группировались вокруг Януса, Сатурна, Пика, Фавна, Латина, Эвандра, Питумна и Пилумна и особенно вокруг Энея. Ряд мифов связан с римскими царями Ромулом, Нумой (которому приписывали большинство религиозных установлений Рима, введённых им по совету Эгерии), Тулом Гостилием (при котором произошёл поединок Горациев и Куриациев и который, возомнив себя равным Юпитеру, погиб от удара молнии), Тарквинием Древним (заложившим Капитолийский храм), Тарквинием Гордым (окончившим строительство храма; по преданию, когда рыли котлован для фундамента этого храма, была найдена человеческая голова, что предвещало будущую власть Рима над миром) и Сервием Туллием.

Третья группа мифов связана с установлением республики; герои этих мифов — люди, ничего не щадившие для величия Рима и исполненные исключительных добродетелей (Лукреция — жена Коллатина, обесчещенная сыном Тарквиния Гордого и покончившая с собой, что послужило началом восстания против царя; основатель республики и первый консул Юний Брут, казнивший сыновей, уличённых в заговоре в пользу изгнанного Тарквиния; Муций Сцевола, прокрывшийся в лагерь этрусского царя Порсенны, чтобы его убить, и пойманный. Чтобы доказать стойкость римских юношей, он сжёг себе руку на очаге Порсенны; Курций, бросившийся в открывшуюся на Форуме пропасть, чтобы

отвратить от Рима гнев богов; Деции Мусы — отец и сын, обрѣкшие себя и вражеское войско подземным богам, чтобы обеспечить победу римлянам; рабыня Тутула, отправившаяся с другими рабынями, переодетыми матронами, к воевавшим с Римом латинам, требовавшим в заложницы знатных римлянок, напоившая врагов и подавшая сигнал римлянам, ворвавшимся в лагерь спящих врагов и их перебившим, и др.).

Ставшие непонятными обряды связывались с мифами: ноны Капротины (когда рабыни пользовались свободой и одевались, как свободные) — с подвигом Тутулы; праздник поплифугий («бегство народа», 5 июля) — с исчезновением Ромула, которого народ искал, бегая в смятении; праздник регифугий («бегство царя», 24 февраля; в этот день царь священнодействий приносил жертву на месте комиций и затем убежал) — с изгнанием Тарквиния Гордого; обычай приносить в жертву собак — с их нерадивостью во время войны с галлами (когда из-за молчания собак защитники Рима чуть не пропустили врага; спасли город поднявшие крик капитолийские гуси, посвящённые Юноне). Так, «римский миф», объясняющий прошлое, оправдывающий настоящее и направляющий будущее, вытеснил, видимо, некогда существовавшие примитивные мифы о создании мира и людей. Потребность в них стала удовлетворяться за счёт проникновения в Рим развитой греческой мифологии и отождествления римских богов с греческими.

У автора нач. III в. до н. э. Ливия Андронника, переведшего на латынь «Одиссею» и первым писавшего пьесы для театра на сюжеты греческих мифов, выступают романизованные греческие боги, которые, очевидно, уже известны публике.

Заимствование греческих богов началось не позднее конец VI — начало V вв. до н. э. с введения культа Аполлона, затем римляне стали знакомиться с греческими мифами, потом и с элевсинскими и самофракийскими мистериями, мистериями Диониса и греческими религиозно-философскими течениями. Интерпретируя мифы, ведущие государственные деятели стали претендовать на божественное происхождение (первым в этом смысле был Сципион Африканский), на особое покровительство божества (Сулла и Цезарь — на покровительство Венеры, Антоний — Геркулеса и Диониса), на уготованное их душам бессмертие и особое место в звёздных сферах или полях блаженных.

В провинциях распространялся культ полководцев. Так был подготовлен императорский культ, начавшийся с обожествления Цезаря и Августа, а затем его преемников. Императоры отождествляли себя с богами, их жёны — с богинями.

С середины III в. н. э., когда распространяются солярные культы в Риме, императоры стали отождествлять себя с этими богами. С установлением империи «римский миф» в связи с обострением социальных противоречий, отстранением народа от участия в государственных делах, утратой Римом его характера гражданской общины, начал всё более терять свою популярность.

Знать и интеллигенция обращаются к различным религиозно-философским течениям, по-своему толковавшим старые мифы и природу богов, к астрологии, демонологии, восточным культам. Народ сохраняет верность старым богам, но не официальным, а созданным им самим, богам земли, ремесла и пр. (Геркулес, особенно Сильван, Бона Деа, Ферония и пр.).

От них ждали покровительства при жизни и награды после смерти. Вера в бессмертие души и её загробную судьбу как результат поведения при жизни становится всеобщей. Вместе с тем растёт тяга к единому всемогущему богу, стоящему выше земных владык, но близкого «маленькому человеку» уже не как члену какой-то общины, а лично; тяга к примеру для подражания, к человеку, ставшему богом за труды и жертвы на благо людей. Все эти многообразные течения обусловили полное разложение «римского мифа» и подготовили победу христианства.

Литература :

- Немировский А. И., Идеология и культура раннего Рима, Воронеж, 1964;
Штаерман Е. М., Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961;
Wissowa G., Religion und Kultus der Römer, 2 Aufl., Münch., 1912;
Grenier A., Les religions étrusque et romaine, P., 1948;
Wagenvoort H., Roman dynamism, Oxf., 1947;
Latte K., Römische Religionsgeschichte, Münch., 1960;
Dumézil G., La religion romaine archaïque, avec un appendice, sur la religion des Etrusques, P., 1966;
Bayet J., Histoire politique et psychologique de la religion romaine, 2 éd., P., 1969;
Boyancé P., Études sur la religion romaine, Rome, 1972;
Piccaluga G., Aspetti e problemi della religione romana, Firenze, 1975. Е. М. Штаерман.